

МЯГКОВ Герман Пантелеймонович

**«РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА»:
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ШКОЛЫ
КАК НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА**

*Специальность 07.00.09 – историография,
источниковедение и методы исторического исследования*

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Казань – 2000

Работа выполнена на кафедре
истории древнего мира и средних веков
Казанского государственного университета

Научный консультант:

доктор исторических наук, профессор Жигунин В.Д.

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор Зверева Г.И.

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Института всеобщей истории РАН Репина Л.П.

доктор исторических наук, профессор Валеев Р.М.

Ведущая организация:

Санкт-Петербургский филиал Института Российской истории
Российской академии наук

Защита состоится 5 октября 2000 г. в 14 часов на заседании диссертационного Совета Д.053.29.06 по присуждению ученой степени доктора исторических наук при Казанском государственном университете по адресу: 420008 Казань, ул. Кремлевская, 18, корпус 2, ауд. 1112.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета

Автореферат разослан 6 сентября 2000 г.

Ученый секретарь диссертационного
совета, кандидат исторических наук,
доцент

В.С. Савин

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000052302

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. На рубеже XX–XXI столетий наука вступает в новый период своего развития, который может быть охарактеризован как познавательный «поворот». Содействуя освоению историками возможностей, которые открываются в методологической сфере, расширению и изменению их представлений о содержании и объеме предметной области, составляющей академическую историю, он открывает и новые пути изучения *опыта*, связанного с эволюцией науки как социального института и исследовательской традиции. Речь идет о тех «коллективистских» формах, посредством которых вырабатывается историческое знание и складывается историческое сознание. Историко-познавательная традиция марксизма, существовавшая в советском общественном сознании, предписывала обращать внимание в первую очередь на научные направления, течения, осмысливаемые в социально-политическом формате. Наряду с открытиями в этой сфере возникло множество явлений политической и идеологической ангажированности, и в немалой степени это объясняется самим предметом исследований историографов. Повышенное внимание к направлениям, течениям принуждало историков к односторонним суждениям и по существу уводило их от поиска ответов на главные вопросы: какими способами и в рамках каких социально-культурных структур добывается, фиксируется и распространяется историческое знание. Феномен научной школы, конечно, был известен советскому историографическому сообществу, однако последовательной исследовательской работы в области изучения научных школ в социогуманитаристике все-таки не велось. Это относится даже к таким, казалось бы, хорошо известным школам, как «скептическая школа», «государственная школа», «русская историческая школа». Исследователи, обращавшиеся к изучению — в «облегченном» виде — творчества ученых этих школ, зачастую повторяли установленные в науке еще до 1917 г. характеристики.

Изменение характера развития отечественного общественно-научного знания в конце 80-х — начале 90-х годов XX века потребовало применения новых подходов к познанию феномена «школа в исторической науке», изучения ее истории, внутренних механизмов функционирования, организации, путей развития и т.п. Научные школы занимают особое место среди структурно-динамических образований, из которых строится научное сообщество. Еще в начале 90-х годов так поставил во-

прос А.Н. Цамутали, который отмечал: «Не принижая того значения, которое имел политический фактор, предусматривающий деление исторической науки на направления и течения, несшие на себе отпечаток идейных влияний (официальное, либеральное, демократическое, революционное направления и т.п.), следует больше внимания уделять формированию и развитию научных школ, складывавшихся в университетских и других центрах, отличавшихся методами и приемами исследовательской работы» (Историческое познание: традиции и новации / Тезисы Международной теоретической конф. Ижевск, 1993. Ч. 1. С. 167).

К научным школам обращено пристальное внимание особой отрасли современного знания — науковедения. Свое характерное лицо имеют *научные школы в гуманитарных науках* и в исторической науке, в частности. Однако попыток показать характерные качества последних в литературе о научных школах мы, практически, не находим.

В известном смысле, это следствие разрыва между конкретно-историческими исследованиями, которые ведутся историками исторической науки — историографами, и исследованиями феномена «научной школы» в абстрактном ракурсе, осуществляемыми в «чистом» науковедении. Но, пожалуй, главным препятствием на пути науковедческих исследований в сфере общественных наук было отсутствие такого определяющего условия, как теоретический плюрализм, позитивный смысл которого заключается, по определению Н.И. Смоленского, в «обеспечении возможности свободного, не ограничиваемого никакими извне научными факторами научного исследования».

Цель и задачи исследования. В предлагаемой работе основным предметом анализа избирается **«русская историческая школа»** всеобщих историков, в которую историографы традиционно включают М.М. Ковалевского (1851–1916), И.В. Луцицкого (1845–1918), В.И. Герье (1837–1919), Н.И. Кареева (1850–1931), П.Г. Виноградова (1854–1925) и др. Изучение «русской исторической школы» как феномена отечественной науки с **конкретно-исторической и философско-исторической** точек зрения позволяет преодолеть разрыв между конкретно-историческим и идеально-типическим подходами предложить пути решения «схоларной» проблемы, находящейся, по сути дела, в эпицентре современного науковедения. Поэтому цель нашего исследования — **представление на конкретном материале феномена научной школы в исторической науке**, посредством определения качественных школообразующих признаков «русской исторической школы» как одного из видов научного сообщества в ходе его формирования, развития и распада.

Примененный выше термин «схоларный», имеет отношение к широкому кругу «школьного» исследовательского процесса, обучения творчеству на разных этапах развития культуры. «Схоларность» как таковая является поэтому предметом внимания многих наук и может быть понята, по крайней мере, на стыке различных наук: историографии и науковедения, не говоря уже о философии, социологии, культурологии и т.д. **Представление** названного феномена означает описание процесса его становления и развития, выявление факторов, причинно-следственных связей, определявших этот процесс, показ места и роли в общем движении научного познания, в жизни общества, роли в этом движении ученых, составлявших это научное сообщество. Но в том и состоит **проблема**, что не выработаны (по крайней мере, отсутствуют в качестве научно признаваемых) сами теоретические основания этого представления. Отсюда неизбежно иное распределение задач диссертации, их значимости и весомости, нежели в традиционных исследованиях на историографическую тему. Иной, очевидно, представится и структура изложения материала.

Последовательно решаемые в работе **задачи** следующие:

1) рассмотрение истории российской исторической науки XIX – XX вв. не только с точки зрения эволюции взглядов на «русскую историческую школу», но и представлений о школах в российской исторической науке вообще. Решение этой задачи позволит выявить опыт схоларного анализа и применения схоларных категорий в отечественной историографической науке в его противоречивости. Особое значение это имеет для выявления специфики категориального строя (употребления понятий «школа», «течение», «направление» и т.д.) современной историографической науки и практики;

2) исследовательский поиск методологических основ диссертации, что обеспечивается специальным анализом малоизученных аспектов теоретико-научных, историософских определений понятия «школа в исторической науке» на базе достижений современного науковедения;

3) выявление **конфигурации** «русской исторической школы» как определенного вида научного сообщества и его роли в развитии отечественной и мировой исторической науки. Изучение собственно феномена «русской исторической школы» предполагает:

— исследование процесса складывания «русской исторической школы», выяснение предпосылок и факторов, способствовавших ее формированию, определению и взаимовлиянию позиций ее ведущих представителей в науке и общественной жизни;

— определение персонального состава «русской исторической школы»;

— выделение школообразующих аспектов жизненного и творческого пути историков «русской исторической школы» и оценку их роли и вклада в формирование и развитие рассматриваемого научного общества;

— выявление характерных черт школы в областях гносеологии и научной специализации;

— вычленение основных направлений исследовательской работы историков «русской исторической школы», ее проблематики, тенденций и направленности развития научных интересов.

Понятие конфигурации, по нашему мнению, имеет не формальное значение. Оно несет в себе важную смысловую нагрузку и отражает авторскую позицию в связи с длящейся не одно десятилетие дискуссией о том, чем является «русская историческая школа»: феноменом лидерским, или она лишена лидера; является ли «русская историческая школа» лишь группой исследователей аграрной истории предреволюционной Франции или чем-то большим; наконец, является ли «русская историческая школа» консолидированным в методологическом отношении объединением или имеет более сложную мировоззренческую и социально-политическую ориентированность.

Указанные **три задачи**, по замыслу, интегрируют работу, ее разделы.

Автор не стремится в данном исследовании осветить все аспекты исторической концепции каждого из рассматриваемых ученых; речь идет о том, чтобы выявить те качественные характеристики, которые в своей совокупности позволяют историкам ставить вопрос о развитии в российском историознании такого научного феномена как «русская историческая школа» и говорить о ее конфигурации.

Хронологические и географические рамки работы. Исследование охватывает период почти двух веков, когда речь идет о процессе освоения и разработки схолярной проблематики в отечественной исторической мысли (от первых историографических опытов начала XIX в. до наших дней), и период 70-х гг. XIX в. – 20-х гг. XX в. применительно к «русской исторической школе».

Историки «русской исторической школы» были связаны с разными научными центрами (университетами, академиями, вольными школами и т.п.) России и зарубежных стран. Их труды и научное наследие принадлежит не только российской науке, но и тем национальным историографиям, чью историю они изучали. Особо значим вклад ведущих историков «русской исторической школы», их учеников в изучение истории Франции, Англии, Испании, Италии. Поэтому географические рамки исследования выходят далеко за пределы России, и автор должен был для создания полноты картины мобилизо-

вать сведения о жизни и деятельности ученых «русской исторической школы» за рубежом.

Историографическая основа работы — это, прежде всего, историографические труды российских и зарубежных авторов XIX – XX вв. Они представлены монографическими исследованиями, обзорами, рецензиями. Ряд работ не увидел свет при жизни их авторов и отложился в архивах; некоторые из них стали фактом историографии после опубликования, изменения идейно-политической ситуации в стране. Анализ этого материала выносится за пределы введения к диссертации и выделен в особую главу.

По аналогичным причинам мы не включаем во введение определение **методологической основы** работы, которой посвящена глава первого раздела диссертации. Для определения методологической основы работы используются труды ученых, социологов и историков науки Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда, Г. Лайтко, Г.А. Антипова, М.Г. Ярошевского, А.П. Огурцова, В.С. Швырева и др.

Автор опирается:

— на достижения отечественной и зарубежной исторической науки в областях изучения стадийных и цивилизационных процессов развития мировой истории, в том числе истории древнего, средневекового, новоевропейского обществ;

— на исследования, посвященные анализу процессов экономического, политического и духовного развития России – СССР на протяжении XIX – XX вв.;

— на исследования, посвященные истории русской *философской* (труды В.А. Алексеева, Н.М. Дорошенко, Б.В. Емельянова, В.В. Зеньковского, М.А. Маслина, А.И. Новикова, Л.Н. Новиковой, И.Д. Осипова, И.Н. Сиземской, О.В. Сеницына, П.С. Шуринова, Н.Ф. Уткиной и др.), *социологической* (труды А.О. Бороноева, Л.В. Гнатюка, И.А. Голосенко, А.П. Казакова, А.Д. Ковалева, В.В. Козловского, Е.И. Кукушкиной, И.Г. Лиоренцевича, А.Н. Медушевского, Н.В. Новикова, Б.Г. Сафронова, А.Ю. Согомонова, П.А. Сорокина и др.), *политико-правовой* (труды В.Д. Зорькина, М.Э. Казмера, Н.Я. Куприца, В.Д. Петросяна и др.) мысли;

— на работы о развитии и организации отечественной науки, высшей школы в России и за рубежом во второй половине XIX – начала XX вв. (труды А.Е. Иванова, Г.И. Любиной, А.Г. Соболевой, В.И. Чеснокова, Г.И. Щетининой и др.).

Источниковая база исследования включает следующие группы источников.

1. Труды историков «русской исторической школы», в которых излагалась и пропагандировалась разрабатываемая ими концепция

общественного развития. Эта концепция излагалась и пропагандировалась в значительном числе публикаций, судить о котором позволяют имеющиеся в распоряжении историографа библиографии трудов [см.: Емельянов Ю.Н. [сост.] Библиография трудов М.М. Ковалевского // История и историки. 1980. М., 1984. С. 303–330; Из далекого и близкого прошлого. Пг.; М., 1923. С. 7–18; Золотарев В.П. [сост.] Научные труды Н.И. Кареева (1917–1931) // Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 362–368; Виноградов П.Г. [Автобиография] // Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук. Ч. II. Пг., 1917. С. 299–304; Иванов Ю.Ф., Луцицкая С.И. [сост.] Список печатных трудов И.В. Луцицкого // История и историки. 1981. М., 1985. С. 287–294 и др.].

В опубликованной части наследия М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева, П.Г. Виноградова, И.В. Луцицкого, В.И. Герье, М.С. Корелина и др. можно выделить несколько групп произведений, по-разному «работавших» на обеспечение жизни и функционирования концепции: 1) конкретно-исторические исследования, 2) работы по социологии, философии истории, 3) историографические обзоры, рецензии, 4) учебная литература, 5) лекционные курсы, 5) публицистические произведения и т.д. Особо значимыми в научном отношении являются конкретно-исторические исследования. Создававшиеся на основе изучения огромного количества источников они были призваны выполнять роль фундамента для других групп, в том числе трудов по социологии, философии истории, многочисленных лекционных курсов, для учебной литературы, публицистических произведений и т.п. Использован также ряд неопубликованных работ.

2. Автобиографии, мемуары и воспоминания, вышедшие из-под пера представителей школы, их современников, учеников, некрологи. В числе важнейших источников — воспоминания и автобиографические труды М.М. Ковалевского, П.Г. Виноградова, Н.И. Кареева, с которыми они выступали в печати, а также оставшиеся при их жизни не опубликованными. Среди последних особо выделим воспоминания *«Прожитое и пережитое» Н.И. Кареева* [см.: Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / Подготовка текста, авт. вступ. ст. и комментариев В.П. Золотарев. Л., 1990.], *«Моя жизнь» М.М. Ковалевского* [хранятся в Архиве РАН (ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 126) и остаются в подавляющей своей части не опубликованными, за исключением двух разделов первой главы (см.: Ковалевский М.М. 1) Моя жизнь: Из воспоминаний // История СССР. 1969. №4; 2) Моя жизнь. Глава 1. Университет // История и историки 1973. М., 1975). Объем воспоминаний свыше 600 стр. машинописного текста]. Они должны быть отмечены как образующие своеобразную группу источников личного происхождения, ибо

несут в себе качества мемуаров-автобиографий, но обретают и черты такого вида, как мемуары—«современные истории». Особенности их проистекают как из объективных обстоятельств — *специфических условий создания*, так и из субъективных — от *авторских установок*.

Но для нашего исследования особо значимо еще одно обстоятельство. Указывая на содержательную составляющую своей жизни, которая «прошла больше в наблюдениях жизни других, чем в смене сильных ощущений», М.М. Ковалевский определял, что основной ценностью, заслуживающей внимания тех, кто будет читать его воспоминания, являются *наблюдения и знания о «некоторых сторонах европейской и русской жизни», впечатления от общения со многими выдающимися современниками — учеными, литераторами, политиками*. Он подчеркивал, что для таких наблюдений у него были «благоприятные условия» и что в нем сформировался особый «тип наблюдателя чужой жизни» (Архив РАН. Ф. 603. Оп. 1. Ед. хр. 126. С. 3). Ему действительно удалось реализовать замысел и описать многие события и процессы духовной жизни России, Франции, Англии, Германии, США и других стран. М.М. Ковалевский, как известно, всегда щедро делился впечатлениями о своем «скитальчестве по белу свету». Они обретали то форму путевых заметок, то отливались в воспоминания, то во фрагменты, заметки, ремарки, вводимые в контекст монографий. Ими наполнены письма ученого. Все это создает условия как для воссоздания с достаточной полнотой облика самого ученого, направлений его многогранной деятельности, эволюции его воззрений, уяснения его места в культурной жизни России и зарубежья, а также создает возможности проследить контакты, влияния, которые одновременно включали самого Ковалевского в широчайший мир российско-европейско-американских духовных связей и складывались вокруг самого Ковалевского. Ценность мемуаров Н.И. Кареева как источника по истории интеллектуальной жизни России уже отмечена и исследовалась. Но «поле» воспоминаний Н.И. Кареева гораздо шире, и «возделывателей» на нем — российских и зарубежных ученых, общественных и политических деятелей — исключительное множество — более 500 фигурантов.

Включая в число важнейших источников мемуары и воспоминания историков изучаемой школы, автор исходил из отмеченной в науке тенденции к весьма быстрому изменению исторического видения в условиях расширения и углубления исторических знаний. Мемуары М.М. Ковалевского и Н.И. Кареева содержали для первых их исследователей известное число новых фактов-событий. Сделанные на базе их изучения выводы, в свою очередь, позволяют работать над выявлением новых, ранее неизвестных фактов-граней, связей, число

которых, как подчеркнул выдвинувший эту типологию исторических фактов М.А. Барг, бесконечно, и по пути изучения этих «фактов-связей» будет происходить главным образом прогресс исторических знаний. В данной работе особо исследовались свидетельства, говорящие о развитии коммуникативных связей между учеными, способствовавших формированию их научных интересов, предметно-логический основой складывавшейся научной общности.

Широко привлекались также *воспоминания современников* для характеристики условий научной и общественной деятельности ученых, рассказы «о времени, о себе» М.М. Богословского, В.И. Вернадского, А.А. Кизеветтера, А.Ф. Кони, П.Н. Милюкова, С.М. Соловьева, П.А. Сорокина, К.А. Тимирязева, Б.Н. Чичерина, И.И. Янжула и многих других. Значительна «мемуарная» составляющая в «материалах к биографии» Вл.С. Соловьева, собранных С.М. Лукьяновым. Отметим тематические собрания воспоминаний, прежде всего о Московском, Петербургском университетах.

3. Большой интерес представляет эпистолярное наследие В.И. Герье, И.В. Лучицкого, М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева, П.Г. Виноградова, М.С. Корелина и др. Опубликована лишь незначительная часть его [см.: Из писем П.Г. Виноградова // Средние века. Вып. XXII. М., 1962; Письма И.В. Лучицкого // 200 лет Великой французской революции. Французский ежегодник. 1987. М., 1989; Письма М.М. Ковалевского к В.Ф. Миллеру // Калоев Б.А. М.М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979 и др.]. Нами изучены письма П.Г. Виноградова к В.И. Герье, к Н.И. Карееву; Н.И. Кареева к В.И. Герье, М.С. Корелину; М.М. Ковалевского к И.И. Янжулу, В. Ф. Миллеру и др., хранящиеся в фондах Н.И. Кареева и В. И. Герье в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, в фондах И.И. Янжула и В.Ф. Миллера в Центральном государственном архиве литературы и искусства [см.: Письма П.Г. Виноградова к В.И. Герье // ОР РГБ. Ф. 70. К. 46. Д. 109, 110, 111, 112; Письма П.Г. Виноградова к Н.И. Карееву // Ф. 119. К. 9; Письма Н.И. Кареева к В.И. Герье // ОР РГБ. Ф. 119. К. 46. Д. 1–12; Письма Н.И. Кареева к М.С. Корелину // ОР РГБ. Ф. 119. К. 44. Д. 3; Письма М.М. Ковалевского к В.Ф. Миллеру // ЦГАЛИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 221; Письма М.М. Ковалевского к И.И. Янжулу // ЦГАЛИ. Ф. 587. Оп. 1. Д. 258; Письма М.С. Корелина к В.И. Герье // ОР РГБ. Ф. 70. К. 16 и др.]. В своей совокупности они помогают дать характеристику научных контактов ученых, уточнить даты тех или иных событий в их жизни и т.д. Написанные по горячим следам событий письма несут печать сиюминутных оценок, содержат откровенные, не доверенные никаким публикациям характеристики современников, оценки событий. Изучение писем потребовало значительной текстологической работы, определе-

ния времени их написания. Датировка производилась на основе сопоставления различных источников.

4. Материалы делопроизводства, документация, содержащая сведения о заграничных командировках ученых, их продвижении по службе, общественной деятельности, взаимоотношениях с университетской и министерской администраций и т.п. [*из опубликованных материалов см.*: Протоколы заседаний Совета // Университетские известия. Киев, 1871–1874; Протоколы Московского юридического общества // Юридический вестник. 1880 и др. *Архивные документы*: Переписка Н.И. Кареева, Совета Московского университета, Московского учебного округа и Министерства народного просвещения о командировании Н. И. Кареева за границу // ЦГИА. Ф. 733 (Фонд департамента Министерства народного просвещения). Оп. 149. Д. 154; Переписка о командировании Н. И. Кареева за границу в 1882–1883 гг. // ЦГИА. Ф. 733. Оп. 121. Д. 557; Переписка Совета Московского университета. Министерства народного просвещения о направлении в заграничную командировку П.Г. Виноградова в 1878 г. // ЦГИА. Ф. 733. Оп. 149. Д. 303; Отчет о занятиях за границей П.Г. Виноградова в 1878 г. // ЦГИА. Ф. 733, оп. 149, д. 297; Ходатайство о направлении в заграничную командировку П.Г. Виноградова в 1883 г. // ЦГИА. Ф. 733. Оп. 149. Д. 694; Запрос министра народного просвещения И.Д. Делянова попечителю Московского учебного округа гр. П.А. Капнисту о лекции М.М. Ковалевского 7 февраля 1886 г. // ЦГИА. Ф. 733. Оп. 194. Д. 623; Письмо гр. П.А. Капниста И.Д. Делянову 2 июня 1886 г. // ЦГИА. Ф. 733. Оп. 194. Д. 623; Письмо П. А. Капниста И.Д. Делянову 1 января 1887 г. // ЦГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 13; Письмо кн. Долгорукова И.Д. Делянову 11 февраля 1887 г. // ЦГАЛИ. Ф. 733. Оп. 150. Д. 13; Документы об избрании П.Г. Виноградова в академики // ЦГАЛИ. Ф. 740. Оп. 17. Д. 48; Формулярные списки М.М. Ковалевского; документы об избрании М.М. Ковалевского в академики // ЦГАЛИ. Ф. 740. Оп. 17. Д. 48; Формулярный список о службе Н.И. Кареева (5 февраля 1903 г.) // ОР РГБ. Ф. 119. К. 47. Д. 50 и т.д.]. Эти источники позволяют углубить знания о жизненном пути ученых, их продвижении по службе, взаимоотношениях с администрацией учебных заведений, полицией и т.п.

Имеющийся в нашем распоряжении источниковый корпус, как представляется, дает основу для ответов на означенные сложные вопросы. Более того, именно наличие столь широкой источниковой базы делает «русскую историческую школу» особенно интересным и «репрезентативным» объектом для исследования.

Научная новизна диссертации состоит в том, что разработана новая целостная концепция понимания феномена школы в историче-

ской науке. Апробированная при анализе «русской исторической школы» и давшая в качестве результата также новый взгляд на этот феномен, она может быть применима не только к «русской исторической школе», но и к изучению других школ в исторической науке. Предлагаемая работа — одно из первых в отечественной историографии комплексных исследований, выполненных на основе междисциплинарного синтеза с учетом достижений историографической ветви исторической науки и науковедения. Такое исследование вызывается необходимостью выведения историографии из «эмпирико-описательного» этапа развития на новый — историософский — уровень.

Научную новизну придает работе и то, что вводятся в научный оборот новые архивные материалы. Автор обращается к трудам русских историков, которые в силу идейно-политических причин были забыты, замалчивались, а то и прямо фальсифицировались. Возможно, высвеченные проведенным анализом, они будут вновь востребованы на новом витке развития антиковедения, медиевистики, новистики. Все это позволяет в определенной мере воссоздать картину развития отечественного обществознания второй половины XIX — начала XX вв.

Диссертационная работа имеет *практическую значимость*. Материалы исследования, наблюдения и выводы автора могут быть использованы в преподавании историографии всеобщей истории, при создании обобщающих исследований и учебных пособий, посвященных развитию отечественной исторической науки.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы изложены в монографиях, научных статьях, обзорах, рецензиях. Отдельные разделы диссертации послужили основой докладов на следующих научных конференциях: *международных* [Москва (1997), Казань (1993, 1994, 1996, 1998), Сыктывкар (1992), Ижевск (1993, 1997), Нижний Новгород (1994), Челябинск (1995)], *всероссийских* [Ижевск (1999), Сыктывкар (1994), Вологда (1995)], *региональных* [Казань (1998), Калининград (1990), Орел (1991), Брянск (1993)], *республиканских и межвузовских* [Москва (1996), Казань (1990, 1996, 1997, 1999), Томск (1987), Уфа (1994)].

Выведенные в работах автора идеи встретили положительные отклики и послужили основой для научной полемики (см.: Чапкевич Е.И. [Рец.] // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 208–209; Сафронов Б.Г. Н.И. Кареев о структуре исторического знания. М., 1995. С. 16–17; Погодин С.Н. «Русская школа» историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский. СПб., 1997. С. 11–13 и т.д.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух разделов, включающих по две главы, заключения, списка использованных источников и литературы. Общий объем диссертации – 494 стр. Список использованных источников и литературы включает 703 названия.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **ВВЕДЕНИИ** обосновывается актуальность темы, формулируются цель и задачи диссертации, анализируются ее источники, определяется научная и практическая значимость и новизна исследования.

Первый раздел диссертации «**ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПРОБЛЕМЫ**» включает две главы.

В **первой главе** «**Отечественная историография о дифференциации научного сообщества российских историков XIX – начала XX вв. на школы и направления**» анализируются представления отечественных историографов о «русской исторической школе» и о школах в российской исторической науке вообще. В начале данной главы рассмотрена схоларная проблематика в отечественной историографии XIX – начала XX вв. и в немарксистской историографии первых лет советского периода.

Отечественные дореволюционные историографы С.М. Соловьев, К.Н. Бестужев-Рюмин, В.С. Иконников, П.Н. Милюков и ряд других создали впервые в России историографические труды, в которых обращались к проблеме школ, направлений, течений в исторической науке. Они ввели и дали толкование таких понятий как «скептическая школа», «юридическая школа», но часто использовали как равнозначные последним термины «скептическое направление», «юридическое направление» и т.д. А.С. Лаппо-Данилевский попытался определить содержание понятий «школа», «направление», «течение» и в начале даже характеризовал «направление» как нечто более широкое, чем «школа». В последний период своего научного творчества он отказался от такого иерархического подхода.

Весьма симптоматично, что уже в конце XIX – начале XX вв. в историографической науке России возникло и понятие «русская школа» применительно к научному творчеству М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева, И.В. Лучицкого и ряда других историков. Впервые этот термин сложился во Франции («*ecole russe*»); посредством его французские историки попытались дать оценку вкладу российских исследователей

в изучение социально-экономических проблем истории Франции последней трети XVIII в. Термин «русская школа» стали признавать и сами представители этого научного сообщества, в частности Н.И. Кареев, который стремился выделить основные характеристики «русской школы». По его мнению, эта школа мало занималась событиями и деятелями, но много сделала для изучения истории экономического быта, социальных отношений, политических учреждений, политических идей. Еще одним достоинством «русской школы» Н.И. Кареев считал то, что ее представители основывали свои исследования на архивных источниках. Н.И. Кареев полагал, что к названной школе можно отнести не только его самого или И.В. Лучицкого, М.М. Ковалевского, но и В.И. Герье – непосредственного учителя некоторых представителей «русской школы». Н.И. Кареев относил к школе и таких историков, как П.Н. Ардашев, А.М. Ону, В.Ф. Тарановский и др.

По существу, Н.И. Кареев расширил понимание «русской школы» и поднял вопрос о лидерстве в ней, хотя сделано это было недостаточно рельефно. Лишь по истечении значительного времени, уже после Октябрьской революции, отечественные немарксистские историографы попытались более четко очертить проблемы «русской школы» (или как мы ее в диссертации определяем, – «русской исторической школы»). Ученик Н.И. Кареева В.А. Бутенко в опубликованной в 1922 г. статье в целом повторил оценки «русской школы», данные Н.И. Кареевым. Более интересны были исследования этого вопроса у В.П. Бузескула — одного из опытейших историографов немарксистской ориентации. В труде «Всеобщая история и ее представители в России» (ч. 1) В.П. Бузескул выделяет, наряду со школой Ф.Ф. Соколова, также и «русскую школу в области новой истории», основателем которой он считает В.И. Герье. В.П. Бузескул готов употреблять даже термин «школа Герье», но «условно, не в смысле одного общего, определенного направления, ибо из этой школы вышли, не говоря уже о других, и Н.И. Кареев, и П.Г. Виноградов, и Р.Ю. Виппер, и М.С. Корелин, между которыми мало общего в направлении». По существу, В.П. Бузескул впервые сознательно поставил здесь сложный вопрос о конфигурации «русской исторической школы», но, естественно, очертания этой школы не представил во всей полноте, поскольку не располагал достаточным фактическим материалом и не имел разработанного методологического инструментария. Более того, под влиянием времени (когда нарастала марксистская тенденция в подходе к школе-направлению как иерархически соподчиненным феноменам), В.П. Бузескул не смог избежать новой терминологии, употребив, например, при оценке взглядов Т.Н. Грановского термин «либеральное направление». Впрочем, относительно «русской школы» В.П. Бузе-

скул таких характеристик не дает. Очевидно, для В.П. Бузескула все-таки было много не ясного в этих вопросах, поэтому во второй части «Всеобщей истории и ее представителей в России» он уже не стремится «конфигурировать» «русскую историческую школу» во всей ее сложности, а, наоборот, упрощает понятие об этой школе, говоря лишь как о школе историков Французской революции.

В дореволюционной отечественной историографии П.Н. Милюковым, А.Е. Пресняковым, Н.И. Кареевым и др. был поставлен вопрос о своеобразии «московской» и «петербургской» школ в российской исторической науке. Но и на этом пути феномен «русской школы» не обрел достаточной ясности. Попытка отождествить ее лишь с «московской» школой» не была достаточно обоснована и уже в те времена вызывала определенные сомнения.

Все же в дореволюционные годы и в начале советского периода немарксистская историографическая наука смогла выработать некоторые подходы к понятиям «школа», «направление», «течение», поставить проблему специфики «русской исторической школы» и сделать шаги к решению этой проблемы.

Далее в первой главе первого раздела диссертации исследуется последующее развитие отечественной историографической науки на длительном этапе ее марксистской идеологической ориентированности. В 20–30-е годы XX века происходило становление марксистских историографических идей и представлений, в первую очередь, того подхода, благодаря которому феномен «школы» в исторической науке из достаточно заметного объекта внимания, каковым он был в дореволюционной историографистике, стал превращаться в объект второстепенный, и на первый план начало выдвигаться исследование «направлений», которым были «подчинены» и оказывались их частью научные школы. Этот подход окончательно сформировался к концу 30-х – началу 40-х годов, когда были опубликованы почти одновременно историографические труды О.Л. Вайнштейна «Историография средних веков» (М.; Л., 1940) и Н.Л. Рубинштейна «Русская историография» (М., 1941). Оба автора отдали дань классово-политической атрибутике: писали о направлениях западничества и славянофильства, о либерально-позитивистском, народническом, официальном направлениях и т.д. Однако у этих советских историографов обнаруживается известная дань дореволюционной историографической традиции. Рядом с иерархическим представлением о «господстве» направления над школой присутствует взаимозаменяемость обоих понятий. Н.Л. Рубинштейн говорит, например, о славянофильском направлении и славянофильской школе, о государственном направлении и государственной школе и т.п. Из выделенных в дореволюционной исто-

риографистике школ, по сути дела, ни одна не изучена названными учеными глубже, чем у их предшественников. Отметим и то, что термин «русская школа», фактически, не используется, и сама эта школа в ее особенностях не анализируется. Заслугой Н.Л. Рубинштейна следует считать возрождение им интереса к своеобразию Московской и Петербургской школ. Историограф упоминает даже о Киевской школе отечественных дореволюционных историков. Но, как показало дальнейшее развитие советской историографической науки, вопрос о региональных школах оказался чрезвычайно болезненным для ортодоксальной историографии.

Выступивший с социально-политическим и культурологическим обоснованием Московской и Петербургской школ С.Н. Валк встретил жесткую критику М.А. Алпатова, И.Н. Бороздина, обвинявших С.Н. Валка в том, что он в одну региональную школу зачисляет и либералов, и реакционеров. В итоге, «конструирование» региональных школ было признано ненаучным, и об их существовании надолго замолчала советская историографическая наука. Идея господства направления над школой приобрела, таким образом, еще более прочную базу и получила воплощение в многотомных «Очерках истории исторической науки в СССР», издававшихся в годы хрущевской «оттепели», но пронизанных, тем не менее, установившимися догматическими традициями.

Достоинством этого труда было стремление большого коллектива авторов представить панорамную картину развития исторического знания в России. Эмпирический материал был привлечен огромный, однако он был весь подчинен идее закономерной смены классово опосредованных направлений исторической мысли. Естественно, феномены направлений оказались в центре внимания. Понятия, на которых базировались авторы «Очерков», к тому времени уже сложились: официально-охранительное, либеральное, славянофильское, западничество, народническое, марксистское направления. Что касается научных школ, то исследование их в «Очерках» не было главной задачей, а их перечень в основном повторял то, что уже было известно с дооктябрьских времен. Это относится и к «русской школе», ее представление крайне нечетко. В.И. Герье признается учителем П.Г. Виноградова, Н.И. Кареева, М.С. Корелина, но все-таки говорить о школе Герье авторы «Очерков» не склонны, ибо не могут помыслить себе существование школы, состоящей из людей с разной идейно-философской ориентацией. Недостаточно ясно и определение понятий «направление» и «школа» как таковых, что приводит авторов «Очерков» к весьма частым подменам направления школой и школы направлением. С точки зрения современной научной логики такая

подмена вполне объяснима. Для 50 – начала 60-х годов она все-таки порождала некоторое чувство неуверенности и в итоге не могла не привести к попыткам выработать методологию, которая бы привела эти ортодоксальные взгляды в систему. Так начался методологический поиск 60–80-х гг., проходивший, естественно, в рамках марксистского историзма.

Значительную роль в этом аспекте играло исследование Е.В. Гутновой «Историография истории средних веков» (М., 1974). При классификации школ, направлений и течений как связующих звеньев между творчеством отдельных ученых и общим развитием историографического процесса она стремится наиболее четко и ясно сформулировать иерархический принцип. Течением Е.В. Гутнова обозначает наиболее широкую и аморфную группу историков, объединенную самым общим методологическим принципом, и, как правило, включающую в себя несколько направлений. Направления, по ее мнению, более компактная группа ученых, связанных между собой не только общностью методологии, но и интерпретацией этой методологии и проблематикой своих работ. Термином школа Е.В. Гутнова обозначает еще более узкую группу ученых, у которых имеются сходные методические приемы исследования; иногда эти ученые группируются вокруг учителя-лидера или вокруг университета (указ. соч. С. 10-11).

С некоторыми коррективами эту схему приняли Р.А. Киреева, исследовавшая вопрос о судьбах отечественной историографической науки (см.: Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983), авторы учебных пособий по историографии (см.: Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1977; Историография нового времени стран Европы и Америки. М., 1990).

Ясность и строгая логичность схем подобного рода оказала известное воздействие на историографическую практику 60–80-х годов. Отечественные историографы исследовали огромный конкретный материал. Отметим здесь труды М.Г. Вандалковской, Б.Г. Вебера, А.Г. Глебова, Л.В. Гнатюка, Е.В. Гутновой, А.В. Дунаевского, В.И. Дурновцева, В.П. Золотарева, В.Т. Зонина, В.М. Ершовой, Т.Н. Ивановой, В.Е. Иллерицкий, Б.С. Итенберга, И.Д. Ковальченко, Е.С. Кирсановой, Ю.Г. Кургунюка, Л.П. Лаптевой, П.Ф. Лаптина, А.А. Левандовского, Л.С. Моисеенковой, М.В. Нечкиной, А.Н. Нечухрина, С.П. Рамазанова, А.М. Сахарова, Л.Н. Хмылева, Е.И. Чапкевича, А.Л. Шапиро, А.Е. Шикло, А.С. Шофмана и др.

Значимыми для достижения интегрированного знания о движении исторической мысли в России нам представляются труды таких ученых, как Б.Г. Могильницкий, Б.Г. Сафронов, А.Н. Цамутали (см.: Мо-

гильниций Б.Г. Политические и методологические идеи либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. — начала 900-х годов. Томск, 1969; Сафронов Б.Г. 1) Историческое мировоззрение Р.Ю. Виглера и его время. М., 1976; 2) Вопросы исторической теории в работах М.С. Корелина. М., 1984; Цамутали А.Н. 1) Очерки демократического направления в русской историографии 60–70-х годов XIX в. Л., 1971; 2) Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. Л., 1977; 3) Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Историографические очерки. Л., 1986 и др.). Их содержанием явилось подробное, тщательное исследование «направленческого» аспекта отечественной исторической науки. Однако в ходе этих исследований историографы не могли не коснуться эволюции тех или иных научных школ. В работах А.Н. Цамутали, например, мы находим рассмотрение «московской» и «петербургской» школ — сюжет, который долгое время в нашей литературе представлял фигуру умолчания. А.Н. Цамутали не склонен противопоставлять эти школы друг другу, но он и не согласен стереть между ними всякие границы и тем самым отвергнуть их существование. Б.Г. Могильницкий настолько детально изучает русскую либеральную медиевистику, что ее характеристика как направления оказывается, по сути дела, недостаточной и перерастает в анализ как научной школы. Такой переход возможен потому, что Б.Г. Могильницкий выступал против упрощенного, прямолинейного понимания влияния современности, политической идеологии на исследовательскую работу историка и выдвинул тезис об относительной самостоятельности науки, что открывало новые возможности для размышлений о схолярных проблемах. Б.Г. Сафронов детально изучил ряд аспектов творчества представителей «московской» школы и пришел к выводу, что роль В.И. Герье в этой школе недооценена. Б.Г. Сафронов, рассматривая роль В.И. Герье и М.С. Корелина в данном научном сообществе, фактически, поставил вопрос о переносе центра тяжести исследований с изучения направлений к изучению школ. Разумеется, это не означало, что сложные вопросы, связанные с «московской» школой, решались как бы автоматически. Наоборот, исследованиями упомянутых ученых ставились все новые и новые проблемы и становилось ясно, что для их анализа неприемлема «старая» методология и методика. Отечественная историографистика «новой» методологии и методики в 70–80-х годах XX в. еще не имела. Почему?

Помимо идеологических трудностей, следует указать на практические причины. Сказывался недостаток специальных исследований в российской советской историографистике о школах в исторической науке. Такие исследования должны были появиться, и они появились преимущественно в 80-х годах. Хотя подобных специальных иссле-

дований было немного (см.: Афанасьев Ю.Н. Историзм против эклектики. Французская историческая школа «Анналов» в современной историографии. М., 1980; Ерыгин А.Н. История и диалектика. Ростов-на-Дону, 1987; Каганович Б.С. Петербургская школа медиевистики в конце XIX–начале XX в. Автореф. ...канд. ист. наук. Л., 1986; Мягков Г.П. «Русская историческая школа». Методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988), но они, отталкиваясь от эмпирического материала, в наибольшей мере содействовали эрозии «старой» схемы иерархической соподчиненности «направления» и «школы». Разумеется, этот принцип еще присутствовал в них, но работал весьма слабо, а иногда попросту противоречил фактическому материалу. Чтобы избежать этого противоречия, автор должен был в работах 70–80-х годов «переименовать» «русскую школу» в «русскую историческую школу». Целью такого переименования, в конечном счете, было стремление отвергнуть упрощенное понимание конфигурации этой школы, тем более, что тогда в советской историографии актуализировался интерес к этой школе в связи с комментариями некоторых положений сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (см., прежде всего: Ф. Энгельс – Е.Э. Паприц, 26 июня, 1884 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 36. С. 147–148). Дело было не только в этих комментариях, но главным образом в том, что назрела необходимость обозначить сложный схоларный феномен, конфигурация которого не поддавалась упрощенным толкованиям и должна была исследоваться на базе *совершенствующейся* методологии и методики. Разумеется, нашу методологию и методику того времени нельзя считать идеальной, но все же в ней содержалось определенное указание на перспективу, а именно на развертывание методологических обобщений посредством привлечения методов смежных наук, особенно науковедения. Однако масштабная перемена в методологии, по известным причинам, оказалась невозможна во второй половине 80-х годов, и только в постсоветской России для этого стали созреть соответствующие условия.

Схоларные исследования в 90-е годы XX в. во многих отношениях изменились, но это и по сей день происходит без существенной методологической ломки. Возник некий парадокс: феномен методологического плюрализма привел к сосуществованию и взаимной терпимости различных подходов к схоларным проблемам, но эти подходы, при внимательном их рассмотрении, оказывались «старыми», давно известными (иногда еще с дореволюционных времен). Так, например, тезис о том, что историография должна заниматься не столько школами и направлениями, сколько индивидуальным творчеством историков, – есть всего лишь возрождение существовавшей в XIX в. биографистики как одного из жанров зарождавшейся историографиче-

ской науки. Оторвать историка от схолярного контекста, как бы ни был историк индивидуален и оригинален, не удавалось историографам прошлого; не слишком удается это и в наше время. Историографы 90-х годов XX в. все же вынуждены давать оценку схолярным, направленческим феноменам. Возрос интерес к феномену советской исторической науки, к возможностям ее деления на школы и направления (см.: Советская историография. М., 1996 и др.). Возродилась дискуссия о Московской и Петербургской школах в исторической науке [Б.В. Ананьич, Д.А. Гутнов, Б.С. Каганович, В.П. Корзун, В.М. Панеях, Е.А. Ростовцев, С.В. Чирков, А.Н. Цамутали и др. В настоящее время учеными РАН и вузов Петербурга реализуется проект «Петербургская историческая школа и ее судьба» (руководитель В.М. Панеях)], идет поиск критериев выделения региональных школ, их исследование (Р.М. Валеев, В.Д. Жигунин, С.И. Михайличенко, Б.М. Ягудин и др.), анализируются «лидерские» научные школы, творчество ученых, сформировавшихся в них (В.П. Золотарев, Л.С. Моисеенкова, С.Л. Клестова и др.), методологические искания (М.Г. Вандалковская, С.П. Рамазанов, О.В. Синицын, Л.Н. Хмылев и др.). В трудах ряда ученых развивается парадигмальный подход к изучению школ / направлений (Л.П. Репина, А.Н. Нечухрин и др.), совершается переход к «многомерному» анализу самого феномена исторического знания в контексте академической культуры (Г.И. Зверева и др.). В этих условиях многие авторы осознанно игнорируют старый иерархизм, но все же есть немало ученых, которые продолжают придерживаться иерархического понимания, что вызывает всевозможные дискуссии о правомерности таких понятий как народническое направление в исторической науке, декабристское направление и т.д.

Феномен школы, в современных условиях «деидеологизации» исторических исследований, несомненно, наилучшим образом может служить объектом изучения историографов. Он же позволяет выйти на наиболее глубокие обобщения о характере творческого процесса, об историческом сознании, о взаимоотношениях исследователя и минувшей действительности, то есть как раз на те проблемы, которые особенно волнуют историософию рубежа XX–XXI столетий. Однако переход к анализу феномена «школа в исторической науке» по-прежнему затруднен ввиду отсутствия методологической проработанности. «Чисто эмпирический» анализ традиционно известных школ дает все меньше нового, иногда отмечен односторонностью понимания. Например, «русская школа» некоторыми современными историографами (см.: Погодин С.Н. «Русская школа» историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский. СПб., 1997) изображается все чаще лишь как школа исследователей аграрной истории Франции последней тре-

ти XVIII в. Подобные взгляды, которые мы считаем допустимыми в рамках определенного подхода, не оказываются достаточными при условии развития методологических основ исследования. Анализ этих основ не может быть беглым и поспешным. Он должен учитывать как результаты историографов-практиков, так и методологические постулаты новых наук и новых идей конца XX в. Попытка принять такой анализ делается в следующей главе первого раздела диссертации.

Во *второй главе «Школа в исторической науке: методология проблемы»* анализируется методологическая основа диссертационного исследования. Общеметодологические принципы в данной главе и во всей диссертации в целом, естественно, те же, что и в других подобных исследованиях. Это — приверженность системно-структурному подходу, применение принципа историзма при рассмотрении историографического процесса; это — использование конкретных методов критики историографических источников с учетом их специфики. Однако ограничиться в нашей работе только этими общеметодологическими установками было, разумеется, невозможно. Поэтому пришлось довольно подробно изучить существующие в современном науковедении подходы к проблеме «школа в науке» (в частности, в исторической науке).

Анализ этого материала показывает, что, как западные, так и отечественные науковеды, в последние десятилетия внесли в рассмотрение этой проблемы немало нового. Сохраняется плюрализм взглядов ученых на определение самого понятия «научная школа». Одно из наиболее авторитетных — определение М.Г. Ярошевского: «Важнейшими среди форм... [социально-творческих] связей являются школы в науке. Они выполняют двойную функцию — образовательную (обучение творчеству) и собственно исследовательскую». Тем не менее, тот же М.Г. Ярошевский указывает, что «термин “школа” многозначен, и выделить его инвариантное содержание нелегко».

«Научная школа» имеет ряд признаков для нее характерных. Она — *неформальное объединение*, в противоположность организованным, институционализированным исследовательским структурам (лаборатории, кафедры, институты и т.д.). Одни исследователи (А.П. Огурцов и др.) считают, что такие объединения как школы есть норма для науки, другие (А.А. Баев) полагают, напротив, что школа в науке есть явление весьма редкое, поскольку существуют и другие виды научных сообществ (незримые колледжи, в частности).

Для научной школы характерно то, что она обычно возникает в новой области науки или раздела науки; при этом данное новое пред-

ставление о тех или иных научных проблемах обычно еще не признается или даже оспаривается другими учеными. А.М. Цукерман называет эти новации «идеологией школы», но большинство авторов применяют выработанные Т. Куном, И. Лакатосом и др. термины «парадигма», «теоретическая программа».

Но программа, парадигма, научная идеология — это лишь разные аспекты одного и того же свойства научной школы. Другим свойством является бытие школы как некоего феномена общения, *коммуникации*. Здесь важно представлять себе характер связей между учеными в научной школе, ее внутреннюю структуру, отношения с внешней средой, психологию всех этих отношений и связей. Науковеды пока не пришли к единому мнению относительно необходимости лидера для школы. Г. Штейнер, Н.И. Родный, А.А. Баев не мыслят себе школы без лидера; другие ученые полагают такие научные школы возможными (Г. Лайтко). В связи с этим обращено внимание на феномен «незримый колледж», который отдельные исследователи рассматривают как одну из разновидностей научной школы, хотя М.Г. Ярошевский полагает, что «незримый колледж» — новая форма научного сообщества, тогда как научная школа в ряде случаев выступает лишь как ядро «незримого колледжа».

Науковеды рассматривают научную школу как феномен развивающийся, причем источники развития могут находиться и вне школы, и внутри нее. В.Б. Гасилов допускает в качестве одного из путей эволюции научной школы ее превращение в незримый колледж, т.е. в более аморфное научное сообщество.

Если структурные компоненты научной школы в современном науковедении изучены достаточно хорошо, то этого нельзя сказать о рассмотрении научных школ как исторического феномена. Разумеется, в историко-научных исследованиях находит себе место рассмотрение этого вопроса, но все же это обычно эмпирический анализ, в котором историософских обобщений пока мало, и потому неясно многое в понимании формирования научных школ как исторически закономерной (или, наоборот, случайной) структуры науки. Конечно, немалый вклад в философию истории науки (а значит и в рассмотрение места в ней научных школ) внесла теория Т. Куна, изложенная в его известном труде «Структура научных революций». Но ни она, ни теории И. Лакатоса, П. Фейерабенда не признаются ныне достаточными для понимания данного вопроса. Попытку дать классификацию *исторически существовавших научных школ* с точки зрения принципа историзма дал К.А. Ланге, который делил школы на «классические» и «современные». Первые формировались на базе научно-исследовательских институтов. Во многом с ним согласен С.Д. Хайтун, который

рассматривает феномен научной школы на фоне эволюции организационных форм науки. Первому этапу развития науки (этапу индивидуального труда) соответствовала классическая научная школа на базе высших учебных заведений. На втором этапе, в XX в., возникают научно-исследовательские институты и лаборатории. Классическая научная школа начинает терять свое значение, возникает современная научная школа, менее привязанная к лидеру, более динамичная и более кратковременная в своем существовании. С.Д. Хайтун, однако, полагает, что и эта форма научной школы исторически преходяща; ныне формируется «проблемная наука», что будет способствовать развитию проблемных школ — наиболее эффективного института исследований, который, по мнению науковеда, вытеснит «организованную науку».

При всей спорности подобных периодизаций, они позволяют лучше понять и оценить феномен научной школы в исторической науке.

Рассматривая особенности научной школы, науковеды, социологи науки обычно опираются на опыт естествознания. Однако в диссертации было важно определить специфику школ в гуманитарных науках и, прежде всего, в исторической науке. Что такая специфика есть, не вызывает сомнения. Но пока слишком мало исследований, разрабатывающих и решающих эту проблему. Анализ науковедов, данный на материале естествознания, отчасти вполне применим и к школам в исторической науке, — разумеется, с существенными коррективами.

Один из выводов, формулируемых в связи с применением науковедческих подходов, — это тот, что школы в исторической науке рассматриваются более подвижными, гибкими, хотя и не аморфными. Этим школа в исторической науке и в гуманитарных науках вообще отличается от более компактных и внутренне спаянных школ в естествознании. Методологическое объяснение этого может быть только одно: школа в исторической науке структурируется по образцу, по «матрице» самой этой науки, для которой характерен индивидуализирующий метод познания. «Индивидуализм» предмета порождает «индивидуализм» метода и «индивидуализм» познавательной деятельности. Но при этом сложность проблемы в том, что схолярные признаки не исчезают, они только получают «гуманитарное» своеобразие. Школа в исторической науке, например, не лишена лидерства, но это лидерство имеет совершенно иной, более гибкий характер, нежели в естествознании.

Методологические поиски приводят к выявлению и других особенностей школы в исторической науке. Поскольку контактность

представителей школы в условиях ее большей аморфности чрезвычайно важна, то на первый план историографического исследования неизбежно выходит изучение коммуникативных характеристик школы. Для каждой школы эти характеристики, естественно, свои. При этом не снимается необходимость изучения методологических, философских и конкретно-научных установок школы в сочетании с установками ее отдельных представителей. Школа в исторической науке может быть изучена как совокупность двух, и даже трех «этажей» исследования. И этим процесс ее изучения отличается от подобной работы при изучении школы в естествознании. Элементом этой «этажности» является, например, анализ политических пристрастий школы, ее национальных характеристик и прочего своеобразия. Так исследование подошло к понятию конфигурация исторической школы — основному понятию всего диссертационного исследования. Разумеется, не претендуя на то, чтобы в данном исследовании представить полную конфигурацию изучаемого объекта, однако ключевые структурные и функциональные его элементы, их взаимоотношения и очертания, а также общие границы, тенденции динамики этих границ хотелось бы определить в последующей части работы на основании предложенной выше методологии.

Второй раздел диссертации «**“РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА”: ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ**» включает две главы.

В первой главе «Коммуникативные характеристики “Русской исторической школы”» даны биографические характеристики представителей «русской исторической школы» с точки зрения включенности их в коммуникативные «школообразующие» связи между собой, а также в разнообразные отношения с «внешкольной» средой. Особое внимание, конечно, в главе обращается на основных представителей «русской исторической школы» — П.Г. Виноградова, Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского, И.В. Луцицкого. В ходе анализа материала делается вывод, что на основе учета коммуникативного фактора в «русскую историческую школу» можно включить и целый ряд других лиц, прежде всего В.И. Герье, его ученика М.С. Корелина, а также многих других ученых. Степень и формы соучастия всех их в «школе» были, разумеется, различны, и именно поэтому можно говорить о сложной конфигурации «русской исторической школы». Мы даже считаем возможным говорить об *индивидуальной* конфигурации «русской исторической школы», как, впрочем, и всякой школы в исторической науке.

Важным «школообразующим» фактором, о котором прежде всего говорится в диссертации, являлись заграничные командировки пред-

ставителей формирующейся школы, их научные контакты с зарубежными учеными и между собой, что способствовало началу обособления «школы» от «внешкольного окружения».

Так, заметную роль сыграли заграничные командировки в карьере И.В. Лучицкого. В начале 70-х годов XIX в. И.В. Лучицкий побывал во Франции, Германии, Италии. Особое внимание он уделял поиску источников в архивах этих стран, а также научному общению с французскими и российскими интеллектуалами. В 1873 г. в Париже произошло знакомство И.В. Лучицкого с М.М. Ковалевским, в 1882 г. там же — с Н.И. Кареевым (хотя оба ученых «заочно» знали друг друга по публикациям задолго до этого). Значительную роль сыграли заграничные командировки в творчестве М.М. Ковалевского. Сначала М.М. Ковалевский работал в Германии, слушал, в частности, лекции известных немецких ученых, но, будучи не вполне удовлетворен немецкой научной методикой, отправился во Францию, где, продолжая обучение, приступил к самостоятельным изысканиям источников по истории Франции. В Париже М.М. Ковалевский установил научные контакты, по его словам, «с рядом выдающихся ученых» — историков, философов, социологов; здесь состоялось сближение его с И.В. Лучицким, оказавшим на начинающего исследователя известное влияние. Затем М.М. Ковалевский отправляется в Англию, где получает импульс к занятиям «историей землевладения, ...экономическим ростом Европы», а также «ранними формами общественности». Особую роль в этом сыграли знакомства и научные контакты с Г. Мэнном, К. Марксом, Ф. Энгельсом и др. В 1880–1882 гг., уже после защиты магистерской и докторской диссертаций, ученый совершил поездку, в ходе которой работал в архивах и библиотеках Италии, Испании, Франции, США. Столь же важными и плодотворными были заграничные командировки в научном творчестве Н.И. Кареева. Больше всего он работал во Франции, особенно в Париже, где в 1878 г. закрепил свои научные связи с М.М. Ковалевским, благодаря которому расширил круг знакомств и научных связей во Франции. Свою роль сыграло здесь, как уже говорилось, и сближение с И.В. Лучицким. Так оформлялись и закреплялись связи и научные контакты представителей формирующейся «русской исторической школы». Аналогичными путями входил в эту «школу» П.Г. Виноградов. С Н.И. Кареевым П.Г. Виноградов был дружен со студенческой скамьи, знал и М.М. Ковалевского еще в России, сотрудничал с И.В. Лучицким в издании «Европа по эпохам и странам». Все эти контакты закреплялись и развивались во время научных командировок П.Г. Виноградова, особенно в Англию и Францию.

Заграничные командировки позволили русским историкам формирующейся научной школы существенно расширить круг изучаемых источников, пополнить свой научный багаж новыми идеями, поработать «на свободе». В сущности, за границей они приобрели новые возможности, благодаря которым их устремления направлялись в «одно русло». Именно поэтому можно говорить, что «русская историческая школа» генетически связана с лучшими достижениями западноевропейской исторической мысли. Тем не менее, «русская историческая школа» формировалась как национальная научная школа, поэтому здесь к числу важнейших школообразующих факторов следует относить влияние *национальной научной среды*, национальных традиций и т.д.

Общероссийская научная среда (в более узком смысле слова, «московская среда», Московский университет) оказали серьезное воздействие на становление и развитие «русской исторической школы». Эта школа — наследница традиций Т.Н. Грановского. Сами представители «русской исторической школы», особенно В.И. Герье, П.Г. Виноградов, Н.И. Кареев, подчеркивали роль Т.Н. Грановского как основателя науки всеобщей истории в России. Истинная сила ученого-историка, которой обладал Т.Н. Грановский, по определению П.Г. Виноградова, состояла в «*историческом синтезе*», в способности сводить разрозненные и разнохарактерные факты в одно целое, указывать взаимодействие, зависимость». Кроме того, сохранять и развивать традиции Т.Н. Грановского означало активно участвовать в общественной и политической жизни. Эта черта была свойственна и представителям «русской исторической школы».

«Московская» линия преемственности приводит исследователя к личности В.И. Герье. И здесь в полный рост встает проблема лидерства в «русской исторической школе». Некоторые факты, связанные с этой школой, казалось бы, свидетельствуют о том, что данная школа не имела лидера или же имела «коллективного лидера», каковым выступали четыре главных представителя школы — Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, И.В. Лучицкий, П.Г. Виноградов. Однако нельзя забывать, что в исторической науке лидерство все же было возможно, хотя носило менее четкий характер, в силу специфики самой науки, в рамках которой индивидуализм отдельного представителя школы никоим образом не погашался авторитетом лидера.

Известно, что в становлении «русской исторической школы» значительную роль играл В.И. Герье. Какова же была мера лидерства В.И. Герье, и на каком основании можно отождествлять «русскую историческую школу» со школой В.И. Герье? Действительно, В.И. Герье был наставником таких ведущих фигурантов «русской исторической

школы», как Н.И. Кареев, П.Г. Виноградов, Р.Ю. Виппер и др., «соратником» таких ученых как М.М. Ковалевский, В.И. Лучицкий. Относительно центральное его положение в «русской исторической школе» диктовалось тем, что он стоял во главе кафедры всеобщей истории Московского университета, и что он был учителем в сугубо образовательном смысле для многих ее представителей. Как руководитель, В.И. Герье, по словам Н.И. Кареева, «научные вопросы... ставил широко, идейно, с философским уклоном, чем он и привлекал желающих заниматься историей... Он не впадал в какую-либо односторонность, идеологического ли или материального направления, но всегда настаивал на необходимости точности, основательности, доказательности».

Если В.И. Герье рассматривать в роли «основателя» «русской исторической школы», то, конечно, конфигурация этой школы уточняется. Но в связи с этим возникает ряд сложных вопросов. Один из них состоит в том, в каком соотношении друг с другом находились ученики В.И. Герье, занимавшиеся социально-экономической историей (Н.И. Кареев, П.Г. Виноградов и др.), и те ученики В.И. Герье, которые посвятили свои труды истории культуры (например, М.С. Корелин). Современные исследователи, особенно Б.Г. Сафронов, обращают внимание на то, что дистанция между двумя «ответвлениями» и даже «направлениями» в школе В.И. Герье была гораздо меньшей, чем сравнительно недавно было принято думать. М.С. Корелин, как и другие ученики В.И. Герье, начал свою научную карьеру с изучения архивных материалов в своих зарубежных командировках в Германию, Италию, Францию, Англию. Он постоянно интересовался политической жизнью стран Западной Европы, был активным общественным деятелем в своей стране, проявлял интерес к естественным и техническим наукам. Поэтому он не мог быть так уж далек от позитивистски настроенных представителей «русской исторической школы». С другой стороны, и воззрения Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского и др. не свидетельствуют об их безоглядной приверженности позитивистской ортодоксии.

В данной главе выявляются «школообразующие» факторы, которые способствовали формированию «русской исторической школы». Так, обращено внимание на учебные и научные семинары, посредством которых преподаватели российских университетов собирали вокруг себя «единомышленников». Рассмотрена роль группировавшегося вокруг М.М. Ковалевского в 70-е – начале 80-х гг. XIX в. «кружка молодых профессоров», в деятельности которого был не только научный, но и политический подтекст. М.М. Ковалевский, фактически, и на первом — московском (1877–1887 гг.), и на втором — петербург-

ском (1906–1916 гг.) этапах своей преподавательской деятельности в России закладывал основы своей собственной научной школы, которую можно рассматривать как «дочернюю» по отношению к «русской исторической школе». Особенностью этой школы М.М. Ковалевского было то, что она в 900-е годы формировалась не столько на почве исторической науки, сколько на почве социологии. В числе ближайших учеников и сотрудников М.М. Ковалевского были Н.Д. Кондратьев, П.И. Люблинский, Я.М. Магазинер, П.Е. Михайлов, С.И. Солнцев, П.А. Сорокин, К.М. Тахтарев.

«Дочерней» можно считать и школу П.Г. Виноградова, которая выросла из его семинаров в Московском университете, а также из кружка молодых историков. Ученики П.Г. Виноградова продолжили его дело не только в России (А.Н. Савин, Р.Ю. Виппер, Д.Н. Егоров, А.К. Дживилегов и др.), но и на Западе, ибо в начале XX столетия П.Г. Виноградов был вынужден покинуть Россию. Избранный в 1903 г. профессором сравнительного права Оксфордского университета, он в созданном здесь семинаре вырастил целую плеяду учеников (Ф. Стентон, Д. Дуглас, Ф. Леннард, А. Леветт и др.).

Сложилась научная школа и вокруг Н.И. Кареева в годы его профессорства в Петербургском университете (1884–1897 и 1906–1922). Его учениками были В.А. Мякотин, Э.Д. Гримм, П.А. Конский, П.П. Митрофанов, В.А. Бутенко, М.Г. Васильевский и др. Любопытно и важно, что в составе этой «дочерней школы», впрочем, и других «дочерних» (по отношению к «русской исторической школе») научных сообществ, были люди весьма различных взглядов. П.П. Митрофанов, например, в отличие от своего учителя Н.И. Кареева, был консерватором, что не мешало его научному общению с учителем и коллегами.

Основателем «дочерней» школы являлся и И.В. Луцицкий. Из этой школы вышли также весьма различные историки — В.К. Пискорский, Д.М. Петрушевский, Е.В. Тарле и др.

Проведенное исследование дает основание сделать вывод, что каждая школа в исторической науке имеет свою конфигурацию, и весьма часто внутри школы имеют место разные «течения». Абсолютно однородных и строго консолидированных научных школ в исторической науке, по-видимому, не существует.

По этим причинам весьма трудно определить границы школы в исторической науке. Разнообразие внутришкольных структур, идей, парадигм, течений, направлений усиливает трудности понимания ее конфигурации. Но все же некие границы каждая школа имеет. Можно сказать, что атрибутивными признаками той или иной школы являются те, которые свойственны для преобладающего в ней течения или

группы. Именно характерные признаки, присущие этому течению (группе), позволяют говорить о главных чертах школы.

«Русская историческая школа» дает пример подобного научного сообщества. В ней существовала общность, базировавшаяся на весьма разветвленных и разнообразных коммуникациях. Разнородность школы не мешала сохранению ее относительного единства и консолидации в той мере, в какой это возможно в научных школах в гуманитарных науках. Предельным инструментом консолидации являлся феномен лидерства, который отчасти присутствовал в «русской исторической школе». Лидерство имело поколенческий и тематико-феноменологический характер, вследствие чего существовали зачатки «дочерних» школ в рамках «русской исторической школы» (В.И. Герье — «исходный» лидер, П.Г. Виноградов, М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, В.И. Луицкий — лидеры «дочерних» школ). Лидерство в школе было весьма относительно. Особняком в ней стоял И.В. Луицкий, но об относительности этого положения лучше всего свидетельствует замечательный факт: ученик И.В. Луицкого Д.М. Петрушевский стал преемником по кафедре П.Г. Виноградова в Московском университете, представителем «второго поколения» школы... П.Г. Виноградова и воспитателем следующего ее поколения.

В.И. Герье, которого с известным основанием можно считать лидером для большинства представителей школы, оказал очевидное влияние на своих ближайших учеников, однако лишь в некоторых отношениях. И все же при этом следует учитывать, что влияние это было таково, что к школе в той или иной мере необходимо относить не только таких учеников В.И. Герье, как Н.И. Кареев, П.Г. Виноградов, но и М.С. Корелина. Он формировал внутри школы, с преобладающей в ней социально-экономической парадигмой, своеобразный анклав культурно-исторической парадигмы. Впрочем, атрибуты культурно-исторического подхода были присущи и господствующему в школе «социально-экономическому направлению». Такая «переплетенность» теоретико-методологических начал могла быть результатом ученичества у В.И. Герье.

Эволюция школы демонстрирует сохранение культурно-исторической аргументации, хотя и недостаточно разрабатываемой. Октябрьская революция создает «условия» для «преодоления» идеалистических «извращений», вследствие чего «социально-экономическое направление» в «русской исторической школе» «побеждает», однако при этом утрачивает свои схолярные признаки и «трансформируется» в научное сообщество, избирающее своей методологией, как бы то ни оговаривалось, экономический детерминизм. Попытки представителей старшего и среднего поколений «старой» школы спасти ее лицо

терпят сокрушительное и трагическое поражение, несмотря на то, что еще до Октября 1917 г. эти представители уже имели своих учеников, в результате чего «русская историческая школа» оформлялась в «сеть» «дочерних» школ. Ученые, составлявшие ядро школы в 900-е годы, фактически, образовали то, что современное науковедение определяет как «незримый колледж». Советская идеократическая система игнорировала эти процессы, поэтому после разгромных судебных кампаний конца 20–30-х годов говорить о «русской исторической школе» не представляется возможным.

С этой точки зрения следует рассматривать и региональную атрибутику «русской исторической школы». По сфере деятельности большинства ее представителей и по главной линии традиции она, конечно, была *московской* школой всеобщих историков. Но оценить ее только таким образом означало бы не точно описать ее географическую конфигурацию. Следы влияния школы присутствовали благодаря деятельности И.В. Луцицкого на Украине; частично влияние школы чувствовалось и в Казани (М.М. Хвостов, В.К. Пискорский). Не «устоял» и Санкт-Петербург, где энергично развернул свою деятельность Н.И. Кареев, хотя ему не удалось поколебать основы, на которой базировалась *петербургская* школа историков. В этом смысле «русская историческая школа» действительно приняла общерусский характер. Но она была и международной, ибо ее представители не только воздействовали друг на друга и на русских ученых, но и вносили свой вклад в формирование международного сообщества историков и обществоведов, родственного по своей природе «русской исторической школе».

Во *второй главе* «Парадигмальные характеристики “русской исторической школы”», в первую очередь, анализируются методологические ориентации «русской исторической школы». Признано, что на многих представителей этой школы оказал определенное влияние позитивизм, который привлекал русских ученых энциклопедичностью идей и возможностями синтеза. Позитивистская философия обладала способностями «применяться» к самым широким и разнообразным идейным запросам и исканиям, что также не могло не импонировать представителям «русской исторической школы». Архивные материалы, мемуары, научные тексты Н.И. Кареева, И.В. Луцицкого, П.Г. Виноградова, М.М. Ковалевского и др. показывают, что интерес к позитивизму у них проявился едва ли не со студенческих лет. Правда, следует отдать должное этим ученым: они воспринимали позитивизм критически и не всегда были согласны с положениями позитивистов-классиков (О. Конт, Г. Спенсер и др.).

У историков «русской исторической школы» в связи с этим сформировалось свое понимание роли истории как науки. И.В. Луцицкий, Н.И. Кареев, П.Г. Виноградов признавали достоинство философии О. Конта, который, по словам Н.И. Кареева, «дал философский обзор всемирной истории». Но О. Конт не смог «возвысится над отдельными фактами и открыть законы, ими управляющие». Пытаясь выяснить причины этих неудач Конта и других мыслителей, представители «русской исторической школы» пришли к выводу, что виноват монизм большинства философов XIX в. Только на путях плюрализма Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский и др. видели способ преодоления односторонностей экономического материализма (марксизма) и философского идеализма (особенно в его гегелевском варианте). С этим связано их отношение к генерировавшимся в последней трети XIX — начале XX вв. философско-историческим учениям. Оно демонстрируется через анализ характеристик, данных историками «русской исторической школы» книге Л.И. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки». Концепция Л.И. Мечникова была оценена ими весьма положительно. Немало позитивного находили они и в труде Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». Н.И. Кареев признавал, что Н.Я. Данилевский во многом прав, отвергая традиционное деление истории на древнюю, среднюю и новую. Вместе с тем представители «русской исторической школы» не соглашались с обособлением Н.Я. Данилевским одной локальной культуры от другой и видели за этим попытку «отгородить» Россию от Европы.

М.М. Ковалевский пошел, пожалуй, дальше других мыслителей рассматриваемой научной школы в обосновании философского плюрализма. И, хотя он в своих трудах часто подчеркивал роль демографического (демотического) фактора в истории, но никогда не настаивал на том, чтобы этот фактор был единственно определяющим (равно как не признавал единственно определяющей роли какого-либо другого фактора). Он, впрочем, говорил даже не о взаимодействии факторов, а о взаимодействии фактов; М.М. Ковалевский был, в конечном счете, верен своей профессии историка, для которого факты — самая важная ткань повествования.

В диссертации выясняется своеобразие историзма ученых «русской исторической школы». Они признавали, что являются историками-социологами и, действительно, сделали не мало для развития социологии как науки. Социологическая интерпретация истории, по мнению И.В. Луцицкого, М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева должна была служить выявлению законов социальной жизни, изучению прошлого и настоящего ради предвидения будущего. Социология, с точки зрения Н.И. Кареева, — более отвлеченная наука, чем история, но

обе науки взаимно дополняют друг друга. Социология определялась Н.И. Кареевым как наука номологическая, а история — как наука феноменологическая.

Историки «русской исторической школы» предпочитали строить свою социологию не дедуктивным способом, а, так сказать, «снизу», т.е. отправляясь от фактов. Так поступал М.М. Ковалевский, не отрицавший вместе с тем методологической роли «уже открытых» социологических законов. Однако М.М. Ковалевский и Н.И. Кареев порой преуменьшали возможности историка-эмпирика постигнуть наиболее общие законы развития. Вместе с тем, мы не находим у историков «русской исторической школы» какого-либо рассмотрения вопроса об особых конкретно-исторических закономерностях, выявляемых специалистами—историками и только ими. Все это показывает, что полной ясности у ученых «русской исторической школы» в данном вопросе не было.

В диссертации рассматривается также вопрос об отношении этих ученых к субъективной социологии. Отметим, что влияние субъективной социологии, например, на Н.И. Кареева, весьма преувеличено. Тем более, что сам он считал себя объективным социологом. Объективность социологии гарантировалась применением научных методов познания, в том числе сравнительно-исторического метода, типологического метода и пр. И.В. Луцицкий широко применял в своих исследованиях статистический метод, что даже вызвало критику И.В. Луцицкого М.М. Ковалевским за «чрезмерное» доверие к этому методу. Этот факт, между прочим, демонстрирует, что конфигурация «русской исторической школы» в сфере методологии была весьма не проста: внутри школы сталкивались различные конкретные методики и даже общие методологии. Основатель школы В.И. Герье и его ученик М.С. Корелин стояли, как известно, на несколько иных методологических позициях, нежели другие. Вслед за Гегелем В.И. Герье утверждал примат духовно-нравственного начала в истории. М.С. Корелин недооценивал роль социально-экономического фактора и, наоборот, переоценивал функции духовной культуры в развитии общества. Но не следует слишком преувеличивать на этом основании дистанцию между В.И. Герье и М.С. Корелиным, с одной стороны, и Н.И. Кареевым, М.М. Ковалевским, И.В. Луцицким, П.Г. Виноградовым, — с другой. Немало «идеалистического» мы обнаруживаем и у этих последних, о чем свидетельствует их возмущенное внимание к психологическим моментам в истории, даже в тех случаях, когда они занимались социально-экономическими вопросами. М.М. Ковалевский считал возможным утверждать, что «происходящий в настоящее время переворот в сфере психологии... вызывает необходимость пересмот-

ра многого из того, что считалось уже более или менее установленным в социологии».

В итоге, в объяснении исторических событий между М.С. Корелиным и представителями «социально-экономического направления» (как его обычно называют) не было такого глубокого противостояния, как принято думать. И Корелин, и Герье, и Кареев, и Виноградов, и Ковалевский, и Луцкий были представителями *одной* научной школы, поэтому сближение на почве некоего синтеза и в рамках признания плюралистической методологии было неизбежно. При этом сближение было взаимным: не только Н.И. Кареев и П.Г. Виноградов усвоили «идеалистические уроки» В.И. Герье, но и М.С. Корелин тоже кое-что заимствовал из арсенала социально-экономических подходов. И все же различия оставались, причем довольно существенные. Взаимодействие и даже «борьба» двух «направлений» (парадигм) внутри одной научной школы способствовали ее развитию, и, возможно, поэтому оно было довольно плодотворным до Октябрьской революции. С этого момента под давлением господствующей идеологии социально-экономическая ориентация ряда представителей школы вынужденно трансформировалась в принятие методологии исторического материализма. Теперь, действительно, «идеалистов» корелинского типа и «экономических материалистов» почти ничто уже не объединяло. Это и привело к распаду школы, к разрушению ее противоречивого единства.

При сохранении существенных различий между главными представителями «русской исторической школы», была еще одна черта, которая сближала их в сфере методологии и теории. Они считали себя (и были в действительности) приверженцами такого подхода, который можно назвать всемирно-историческим. Преодоление «односторонностей», свойственных монизму, казалось им невозможным при сохранении чрезмерно узкой специализации историков. Поэтому они старались не быть просто медиевистами, или антиковедами, или историками французского социально-экономического быта. Они были *всеобщими историками*, стремившимися охватить своими исследованиями чуть ли не всю историю человеческого общества во времени и пространстве, «преодолевая» национальные и региональные рамки. «Только всеобщая история сообщает нам знание связи событий, их причин и следствий и сопровождающих обстоятельств», — утверждал Н.И. Кареев. Более того, изучение своеобразия истории отдельных стран Западной Европы и Америки было невозможно, по их мнению, без обращения к историческому опыту Востока и, конечно, России, которая, собственно, и служила «финальным» звеном их размышлений и исследований.

Но все же главным предметом их изучения была конкретная история Запада в древности, в средние века и в новое время. В диссертации рассматриваются ключевые позиции воззрений ученых «русской исторической школы» на эти главные эпохи всемирной истории.

В.И. Герье, хотя он и не занимался достаточно специально историей древнего мира и средних веков, все же имел ряд публикаций, посвященных этим эпохам. Особенно интересны его исследования проблем древнеримской государственности и дискуссия на эту тему с Т. Моммзеном. В.И. Герье обращал главное внимание на духовные основы древнего Рима, а, рассматривая средневековье, считал ведущей силой этого времени христианскую церковь. Он не игнорировал при этом таких базовых понятий, как «вассально-бенефициальная система», «условное землевладение» и т.д. В трактовке В.И. Герье структуры феодального общества приобретали политизированный характер, что совсем не является исключением и для его учеников, трактовавших проблемы средневековья с позиций «социально-экономической парадигмы».

Более развернутые оценки цивилизации древности и средневековья содержались в трудах М.С. Корелина. В своих курсах лекций он начинал рассмотрение истории цивилизации с древнего Востока. Наиболее интересными М.С. Корелин считал те периоды древневосточной истории, когда тот или иной народ выполнял свою всемирно-историческую миссию. Корелин видел истоки древневосточных обществ в их культуре. Он был, в противоположность Эд. Мейеру и некоторым другим западным историкам, чужд модернизаторства, хотя и употреблял иногда в своих произведениях, применительно к древнему Востоку, термин «феодализм», а говоря об античных обществах, оперировал понятиями «капитализм», «фабрики» и др. История средних веков у М.С. Корелина трактуется также с позиций религиозно-культурного приоритета. Эпоха Возрождения была предметом внимания Корелина во многих его произведениях. Итальянский гуманизм он изображал как переходную форму от средневекового западного индивидуализма к современному идеалу личности. Его интересовали и социально-экономические проблемы, но лишь как «вторичная» тема исследования.

Значительное место занимали проблемы феодального средневековья в творчестве И.В. Луцицкого. Его, как и М.С. Корелина, вначале интересовали идеологические, религиозные процессы в позднем средневековье, но постепенно он углубился в обстоятельный анализ социально-экономических проблем, в первую очередь, поземельных

отношений во Франции. При этом он не отводил определяющей роли ни духовным, ни экономическим факторам.

Своеобразный путь проделал в исследованиях всемирной истории П.Г. Виноградов. Античные сюжеты присутствуют у него сравнительно нечасто. Но все же следует сказать о весьма результативном изучении П.Г. Виноградовым особенностей греческого и римского права. Очевидно, подобные исследования сказались на понимании П.Г. Виноградовым средневековой государственности и феодального строя. Он был сторонником синтезной теории происхождения феодализма и стремился применить эту теорию к рассмотрению истории ряда западноевропейских стран, особенно Англии. Интерпретация феодализма П.Г. Виноградовым имеет правовые, военно-политические и психологические основы. Взаимоотношения феодала и крестьянина трактуются им как договорные, а государство выступает как орган, призванный соблюдать общие интересы. Так, П.Г. Виноградов приходит к представлению о многовариантности западноевропейских феодальных порядков. По крайней мере, два варианта он считает главными: французский (когда сословия оказались разобщенными и не могли противостоять королевской власти) и английский (когда сословия действовали сообща, ослабляя королевскую власть, и смогли направить развитие Англии в конституционное русло).

Наиболее универсальным по кругу научных интересов из всех представителей «русской исторической школы» был М.М. Ковалевский. Он специально занимался даже первобытной историей и в разработке проблем первобытности стал поистине новатором. Исследования первобытной семьи, общины у М.М. Ковалевского базировались на солидных основаниях и представляли собой шаг вперед в развитии мировой этнографической науки. Признавая большой вклад Ф. Энгельса в рассмотрение этих вопросов, М.М. Ковалевский шел своим путем. Так, он не отрицал, что при возникновении частной собственности играли большую роль экономические причины, но, в отличие от Ф. Энгельса, он исследовал также причины психологические и придавал им немалое значение.

В ходе изучения средних веков М.М. Ковалевский фиксировал свое внимание главным образом на средневековой Англии. Он отошел от юридического толкования английской общины и государственности. Вместе с тем он заложил традицию поиска культурно-психологических мотиваций развития английского феодализма, изучая эти последние наряду с собственно экономической проблематикой.

Наконец, говоря о вкладе ученых «русской исторической школы» в изучение доиндустриальных обществ, следует остановиться на

изысканиях Н.И. Кареева. В своих обзорах всемирной истории Н.И. Кареев стремился по-своему трактовать сущность древневосточных цивилизаций, уделяя гораздо больше внимания, чем М.С. Корелин, политическим и социально-экономическим учреждениям древнего Востока. Но и духовная жизнь отнюдь не выпадает из поля зрения Н.И. Кареева. Он даже склонен согласиться со схемой Гегеля: «На Востоке... дух не сознавал своей сущности, таковая заключается в свободе, то есть личность легко подчинялась всему внешнему, целям, для нее посторонним...». Согласен Н.И. Кареев с Гегелем и в оценке античной Греции и Рима, где некоторые свободны, а некоторые не свободны. Возможно, это «гегельянство» Кареева не случайно и восходит к традициям В.И. Герье. С другой стороны, Н.И. Кареев не согласен с утверждением К. Маркса о том, что древность — это господство рабовладения, а средневековье — время крепостничества. Гораздо правильнее, по мнению Н.И. Кареева, считать, что рабство и крепостничество сосуществовали как в древности, так и в средневековье.

Эпоха средневековья, по Н.И. Карееву, особенно важна тем, что Западная Европа в ее пору подготовила свое первенство в мире, вступив на «большую дорожку» истории. Сама же Западная Европа, по его мнению, характеризовалась двумя важнейшими основаниями ее устройства: католицизмом и феодализмом. Католицизм Н.И. Кареев определяет не только как церковь, но и как мировоззрение, как особую политическую и культурную жизнь. Точно также и феодализм — не только экономика, но и право, политика, психология. Подобный «плюралистический» подход к средневековью «удаляет» Кареева от теоретической схемы Гегеля, весьма пригодной для «далекой» древней истории, зато «приближает» ученого к эмпирическому материалу истории нового времени, то есть к тому предмету, которым Н.И. Кареев более всего занимался как «узкий» специалист.

В завершении главы диссертации рассматриваются подходы И.В. Луцицкого, П.Г. Виноградова, Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского к проблемам новой истории. Мы выделяем наиболее важные из них: аграрно-крестьянский вопрос на Западе в новое время, проблемы революции (прежде всего, конечно, Французской революции конца XVIII в.); проблема политического устройства западных государств в новое время (конституционный строй, демократия и т.д.).

По всем перечисленным проблемам историки изучаемой школы высказали немало новаторских положений, опираясь на обширнейший круг источников, и за это получили признание в самих западных странах. Смысл открытий русских историков состоял в том, что они подвергли тщательному изучению опыт экономического и социально-

политического развития Франции, Англии, Италии, Германии, США и пришли к выводу о применимости этого опыта к условиям России. Их внимание не только к революциям, но и к реформам в западных странах не означало, что для них революция и реформа имели равное историческое значение. Их больше привлекал эволюционно-реформистский путь, пример которого, по их мнению, демонстрировала не столько Франция, сколько Англия нового времени и США. Отсюда же проистекали высокие оценки английской и американской демократической традиции, содержащиеся в трудах М.М. Ковалевского и П.Г. Виноградова.

Конфигурация конкретно-исторических исследований «русской исторической школы» представлена в диссертации в наиболее обобщенном виде. Но приведенный материал представляется достаточным, чтобы оценить, какие проблемы всемирной истории и почему именно они особенно занимали ученых «русской исторической школы». Скрытым, а иногда и явным центром данной конфигурации были потребности пореформенной России, «обязывавшие» историков-всеобщников искать ответы на российские «вопросы» в историческом опыте Запада. Насколько же эффективными оказались эти ответы и насколько был применим сам этот опыт? В диссертации данный сюжет специально не изучался, поскольку составляет тему особого, весьма обширного исследования.

В **ЗАКЛЮЧЕНИИ** диссертации подведены итоги анализа, предложены дальнейшие направления изучения избранной проблематики.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Монографии:

1. «Русская историческая школа»: методологические и идейно-политические позиции. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1988. – 200 с.
2. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2000. – 298 с.

Статьи, обзоры, рецензии:

3. К методологическим вопросам историографических исследований // Критика буржуазных концепций всеобщей истории. Вып. I. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1972. – С. 37–48 (в соавторстве с Б.В. Царевым).

4. О месте и роли «русской исторической школы» в идейно-политической борьбе в России в начале XX в. // Критика буржуазных концепций всеобщей истории. Вып. III. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1974. – С. 71–89.
5. М.М. Ковалевский и К. Маркс (из истории контактов русских ученых с основоположниками марксизма) // Проблемы историографии внутренней и внешней политики зарубежных стран. Межвузовский сб. ст. – Куйбышев: Изд-во Куйбышевского ун-та, 1987. – С. 103–123.
6. О ранних буржуазных революциях // Новая и новейшая история. – М.: Наука, 1990. № 5. – С. 231–233.
7. Пластырь на засоренную рану [П.А. Столыпин: время вопросов и ответов] // Панорама. Общественно-политический ежемесячник. – Казань, 1991. № 7. – С. 36–41.
8. Научная школа в исторической науке как проблема историографического исследования // Изучение и преподавание историографии в высшей школе. Межвузовский тематический сб. научных трудов. – Калининград: Изд-во Калининград. ун-та, 1991. – С. 8–13.
9. Историческая наука в меняющемся мире // Новая и новейшая история. – М.: Наука. 1994. № 2. – С. 245–247.
10. Наставница в роли ученицы. Теоретические исследования Р.Ю. Виппера в координатах науки и политики // Рубеж. Альманах социальных исследований. Вып. 5. – Сыктывкар, 1994. – С. 59–68.
11. Рабочее движение в странах Западной Европы в научном наследии Н.И. Кареева // Борьба идей в меняющемся мире. Межвуз. научный сб. – Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1994. – С. 59–73 (в соавторстве с В.П. Золотаревым).
12. Правда памяти (историческая судьба наследия Максима Ковалевского) // Вестник Сыктывкарского университета. Серия 6. Экономика, право, психология. Вып.1. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 1996. – С. 80–90 (в соавторстве с В.П. Золотаревым).
13. «Русская историческая школа» и становление социологии в России: на пути к междисциплинарному синтезу // Социальное знание: формации и интерпретации. Материалы международной научной конференции. Ч. 1. – Казань: Изд-во «Форт-Диалог», 1996. – С. 35–43.
14. Л.И. Мечников и Н.Я. Данилевский: судьбы всемирно-исторической точки зрения в отечественной историографии // Историческое познание: традиции и новации. Материалы Международной теоретической конференции. Ч. I. – Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1996. – С. 352–360 (в соавторстве с В.Д. Жигуниным).
15. Проблемы генезиса социологического знания: Россия и США. Компаративный анализ // Социально-политический журнал. – М., 1997. № 2. – С.173–185 (в соавторстве с Л.А. Бургановой).

16. «Субъективный метод» в контексте отечественной социальной науки // Проблемы социально-политической истории зарубежных стран. Межвузовский сб. научных трудов. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 1997. – С. 96–103

17. Проблемы «главных основ средневековой истории» в изображении Н.И. Кареева // Ученые записки Казанского университета. Т. 134. Проблемы отечественной и зарубежной истории и историографии. – Казань: Изд-во «Универс», 1998. – С. 52–61 (в соавторстве с А.Г. Суприянович).

18. [рец.:] К новому пониманию человека в истории. Очерки развития современной западной исторической мысли. – Томск: Изд-во Томского университета, 1994 // Новая и новейшая история. – М., 1998. № 1. – С. 223–225 (в соавторстве с В.Д. Жигуниным).

19. Современная дискуссия о постмодернизме и проблема преемственности позитивистских идей в отечественной историографии // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 25. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. – С. 89–98.

20. Между монизмом и плюрализмом: российская историческая мысль на рубеже XIX–XX вв. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 1/99. – М.: ИВИ РАН, 1999. – С. 215–222 (в соавторстве с Жигуниным В.Д.).

21. Научная школа: теоретические аспекты историко-научного исследования // Вестник Волжского университета. Серия «Философия». Вып. 1. – Тольятти: Изд-во ТольПИ, 2000. – С. 3–15.

Доклады на научных конференциях:

22. Полемика М.М. Ковалевского и И.В. Лучицкого и ее роль в изучении аграрно-крестьянской историографии Великой французской революции // Ранние буржуазные революции и современная историческая мысль. Тезисы докладов межвузовской научной конференции. – Казань: КГУ, 1990. – С. 81–82.

23. М.М. Ковалевский как публицист // Историк – художественная литература и публицистика. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. – Орел, 1991. – С. 121–124.

24. Теоретико-методологические искания русской либеральной историографии и марксизм // Марксистская философия: современные проблемы, противоречия и идеи развития. Тезисы докладов научной конференции. – Казань: Изд-во КГУ, 1991. – С. 113–115 (в соавторстве с Л.С. Моисеенковой).

25. Внимание к гуманитарному знанию как традиция высшей школы дореволюционной России // Методологические и теоретические проблемы

гуманитаризации высшего образования. Тезисы докладов научно-теоретической конференции. – Казань, 1992. – С. 25–26.

26. П.А. Сорокин как представитель социологической школы М.М. Ковалевского // Социологические идеи П.А. Сорокина и современное общество. Тезисы докладов Международной научной конференции. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 1992. – С. 73–75.

27. Соотношение истории и социальной теории как социокультурная проблема // Философские аспекты культуры. – Казань: ТО Философского об-ва РФ, 1993. – С. 28–29.

28. Историки «русской школы» в дискуссиях о геодетерминизме // Историческое познание: традиции и новации. Тезисы международной конференции. – Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1993. – С. 141–143.

29. Проблема периодизации всемирной истории в философско-исторической концепции Н.И. Кареева // Отечественная и всеобщая история: методология, источниковедение, историография. Материалы научной конференции. – Брянск: Изд-во БГПИ, 1993. – С. 17–19.

30. Российская революциология: «за» и «против» революции // Историческая наука в меняющемся мире. Вып.1. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1993. – С. 102–105 (в соавторстве с В.М. Бухараевым).

31. Т.Н. Грановский и «русская историческая школа»: роль традиции в развитии исторической науки // Историческая наука в меняющемся мире. Вып. 2. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1994. – С. 70–75.

32. О становлении системы самообразования в России // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. Тезисы Всероссийской научной конференции. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 1994. – С. 19–21.

33. Проблема структуры историко-философского знания в трудах до-революционных российских «всеобщих историков» // Социальная философия как наука и учебная дисциплина: современное видение. – Казань: КГУ, 1994. – С. 81–84.

34. Историки «русской школы» как культурные представители России в Западной Европе и Америке // Русская культура и мир. Тезисы докладов II международной научной конференции. Ч.1. – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 1994. – С. 73–76.

35. История и землеведение: междисциплинарные отношения в зеркале историографии // Общепланетарные проблемы исследования Земли. Тезисы докладов международной конференции. – Казань, 1994. – С. 82–83.

36. Либеральный прогрессизм: пути политического и программного оформления // Политические процессы и движения в национальных республиках Поволжья и Приуралья. История и современность. Материалы межрегиональной научной конференции. – Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 1994. – С. 23–24.

37. О методических особенностях высшего исторического образования в России XIX – начала XX вв. // Новое в содержании и организации высшего исторического образования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Казань: КГПУ, 1994. – С. 64–67. (в соавторстве с О.В. Сеницыным).

38. Аграрный вопрос в сравнительно-исторических исследованиях историков «русской школы» // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии. Материалы к Всероссийской научной конференции. – Вологда: Изд-во «Русь», 1995. – С. 101–103.

39. Пути развития России в системе всемирной истории: идеи «русской исторической школы» // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. III-я Международная научная конференция. Тезисы докладов. Ч.1. – Челябинск: Изд-во Челябинского ун-та, 1995. – С. 97–100.

40. Становление англоведения в России: М.М. Ковалевский // Викторианская Британия: события, люди, явления, процессы. – Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1995. – С. 42–44.

41. Феномен «идеального учителя» в русской исторической науке // Историческая наука в Татарстане: исследовательские и педагогические традиции. – Казань: Изд-во «Форт-Диалог», 1996. – С. 102–105.

42. Поиск концептуального осмысления древней истории: опыт Н.И. Кареева // II Республиканская научная конференция молодых ученых и специалистов. Тезисы докладов. Кн. 6. Человек и общество. – Казань, 1996. – С. 39 (в соавторстве с В.А. Филимоновым).

43. «Русская историческая школа»: «рецепция» как механизм европейской идентификации российского общества // Россия в новое время. Историческая традиция и проблемы самоидентификации. Материалы межвузовской научной конференции. – М.: Изд-во РГГУ, 1996. – С. 31–34.

44. Профессор истории в социокультурной жизни российской провинции // Интеллигенция и культура: история, современность, перспективы. Тезисы докладов межвузовской конференции. – Казань: КГАИК, 1996. – С. 63–65 (в соавторстве с Ш.С. Хамматовым).

45. Философские идеи «Вех» на переломных этапах развития российского общества // Интеллигенция Татарстана в период реформ и революций первой трети XX века. Материалы Республиканской научной конференции. – Казань: Изд-во «Новое Знание», 1997. – С. 38–42.

46. М.М. Ковалевский о столыпинской «аграрной революции» // Власть и общество: грани взаимодействия. Тезисы докладов Республиканской научно-практической конференции. – Казань: КГТУ, 1996. – С. 28–29.

47. «Экономический строй» России в оценке марксизма и либерализма: общее и особенное // Культура и этика бизнеса: история, традиции,

200

Подписано в печать 25.08.2000. Формат 60х84/16.
Бумага офсетная. Заказ № 08/92. Объем 3 п.л. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательстве «Форт-Диалог»
Лицензия № 0234 от 20.05.98 г.
420503, г. Казань, ул. Университетская, 17

проблемы переходного периода. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1997. – С. 14–17.

48. Идеи «русской исторической школы» в их значении для новой отечественной историографии // Гуманитарное знание на пороге XXI века. Материалы международной научной конференции. Тезисы докладов. – Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1997. – С. 149–150.

49. Становление политической науки в России: вклад «всеобщих историков» (конец XIX–начало XX вв.) // Политическая наука в современной России. Материалы международной конференции. – М.: Академия политических наук, 1997. – С. 294–297.

50. XIX век в оценке российской оппозиционной публицистики рубежа столетий // Кому принадлежит культура? Общественные науки и перспективы исследования социокультурных перемен. Международная научная конференция. Тезисы. – Казань: Изд-во «Экоцентр», 1998. – С. 45–46.

51. Сценарий общественного развития: позиции либерализма в начале и в конце XX века // Общественное согласие в Российской Федерации. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Казань: Изд-во «Карпол», 1998. – С. 27–30.

52. Классическое образование как социокультурный фактор в динамике российской истории // Образование в зеркале философии. Материалы межвузовской научной конференции. – Казань: КГУ. – С. 53–57 (в соавторстве с В.Д. Жигуниным).

53. Исторический опыт античной государственности и российская либеральная историография // Государство и общество: проблемы федерализма и самоуправления. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Ижевск: Изд-во Института экономики и управления. 1999. – С. 109–115 (в соавторстве с В.Д. Жигуниным).

54. К оценке вклада Н.И. Кареева в становление философско-исторического познания // Проблемы философии истории. Материалы межвузовской научной конференции. – Казань: ФО РТ, 1999. – С. 32–35.

Примечания и комментарии к публикациям:

55. [Подготовка, примечания и комментарии к публикации:] Р. Виппер. Состояния и события, массы и личности, интересы и идеи (Из книги «Кризис исторической науки». Казань. Государственное изд-во. 1921 // Рубеж. Альманах социальных исследований. – Сыктывкар, 1994. № 5: текст: с. 69–80, комментарии: с. 80–87.

56. [Подготовка, примечания и комментарии к публикации:] М.М. Ковалевский. Экономический рост Европы. Вступление // Рубеж. Альманах социальных исследований. Сыктывкар, 1995. № 6–7: текст: с. 12–36, комментарии: с. 36–52.

Составитель и ответственный редактор:

57. Ученые записки Казанского университета. Т. 134. Проблемы отечественной и зарубежной истории и историографии. – Казань: Изд-во «Унипресс», 1998. – 198 с. (совместно с В.М. Бухараевым).

58. Гуманитарное знание в системах политики и культуры. – Казань: Изд-во «Унипресс», 2000. – 216 с. (совместно с В.М. Бухараевым).

